

УДК 81-115

КОНЦЕПТ СЧАСТЬЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Сегал Н.А.

Актуальность. Современная лингвистика характеризуется возникновением новых исследовательских парадигм, что приводит к поиску эффективных методов исследования. Изучение ассоциативного значения слова стало одним из наиболее популярных и разработанных направлений в исследовании вербальных ассоциаций. Новая ассоциативная парадигма коммуникативно-прагматической лингвистики позволяет глубоко и полно представить концептуальную природу объектов реальной действительности, построить концептуальные модели языковой картины мира. Ассоциативная лингвистика становится, таким образом, одним из приоритетных направлений в современной лингвистической науке [5, с. 36].

Цель статьи – построение ассоциативного поля концепта *счастье* как объекта конструирования процесса познания, а также описание ассоциатов, реализующих структурно-семантическое содержание данного концепта.

Данная цель реализуется в следующих *задачах*:

- определить и классифицировать концептуальные признаки понятия *счастье*;
- охарактеризовать ассоциативно-семантические зоны концептуального поля *счастье* с использованием результатов ассоциативного эксперимента;
- проанализировать особенности эмоционального восприятия концепта *счастье* носителями русского и китайского языков по результатам ассоциативного эксперимента.

Постановка проблемы. В последние десятилетия термин «концепт» уверенно и прочно вошёл в активный лингвистический тезаурус, став при этом объектом острых научных дискуссий не только лингвистов, но и психологов, культурологов, философов.

Обзор научной литературы показывает, что в современной лингвистике нет единого понимания термина «концепт». Так, лингвисты рассматривают концепт как философское понятие, являющееся результатом взаимодействия различных факторов: национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей. По мнению Н.Д. Арутюновой, концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [15, с. 10]. Идея соотносённости концепта и культурного мира человека развивается и в теории Ю.С. Степанова: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [16, с. 40-41].

В современных теориях когнитивной лингвистики понятие концепта рассматривается как единица психической памяти сознания человека. По определению Е. С. Кубряковой, концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [7, с. 90].

Понимание концепта как единицы абстрактного уровня осмысления реальной действительности лежит также в основе концептологической теории З.Д. Поповой и

И.А. Стернина. Исследователи отмечают многомерность структуры концепта и полагают, что анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику данной единицы [11, с. 26].

Развивая идею многомерности концепта, С. Г. Воркачёв выделяет три составляющие концепта: понятийную, значимостную и образную, отмечая при этом, что именно образная и является ключевой в современном лингвокультурологическом подходе к концепту как понятию духовной ценности с отмеченной этнокультурной спецификой [4, с. 7].

Большинство лингвистов приходит к заключению, что концепт включает в себя как предметную соотнесённость, так и коммуникативно-значимостную информацию, представленную прагматическими ресурсами знака. Одним из обязательных компонентов прагматической семантики культурного концепта является «культурная», или «когнитивная память» слова, то есть смысловые характеристики языкового знака, связанные с национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, А. Вежицкая, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, А. Д. Шмелёв).

Отметим при этом, что «культурная память» слова полно и глубоко отражена прежде всего в лексикографических источниках. Так, словарные наблюдения над лексемой *счастье* позволяют описать системные отношения семантической структуры, которые и определяют её концептуальные признаки.

Объём и поставленная цель данной статьи не позволяют представить полное лексикографическое описание лексемы на материале различных словарей. Приведём отдельные иллюстрации.

Так, в Словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова (1973) выделяются два значения лексемы *счастье*: 1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. [...] Стремление к *счастью*, семейное счастье. 2. Успех, удача. Ему во всём *счастье*. Не бывать бы *счастью*, да несчастье помогло [13, с. 720].

В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (1988) выделяются четыре лексико-семантических варианта слова *счастье*: 1. Состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л. [...]. Человек создан для *счастья*. Короленко, Парадокс [...] // Внешнее проявление этого чувства. [Нина:] Но если *счастье* случайно Блеснёт в лучах твоих очей, Тогда я мучусь горько, тайно. И целый ад в груди моей. Лермонтов, Маскарад [...]. 2. Успех, удача. *Счастье* в игре. [...] Хаджи-Мурат всегда верил в своё *счастье* [...] Л. Н. Толстой, Хаджи-Мурат. 3. в знач. сказ. Хорошо, удачно. [Фамусов:] Да! *Счастье*, у кого есть эдакий сынок! Грибоедов, Горе от ума [...]. // (в сочетании с мест.: «моё», «твое», «его», «ваше») Повезло кому-л., удачно вышло для кого-л. [Ливанов] летел с лестницы вниз головой. *Счастье* его, что он не переломал себе рёбер. Помяловский, Очерки бурсы. 4. Прост. Участь, доля, судьба. Всякому своё *счастье*. Поговорка. [14, с. 320].

Таким образом, кроме двух значений лексемы *счастье*, выделенных в СО («чувство высшего удовлетворения», «удача, успех»), в МАСе отмечены два дополнительных значения: «в знач. сказ. Хорошо, удачно» с грамматической обусловленностью и «Участь, доля, судьба» – просторечное – как традиция интерпретации *счастья* в Словаре В. И. Даля [6, с. 371].

Для описания семантики ключевого слова в сопоставительном аспекте необходимо дать лексикографическую интерпретацию из Нового китайского словаря: *xing fu (счастье)* – 1. Чувство и состояние полного удовлетворения. 2. Удача. 3. Судьба [9, с. 1005].

Как показал структурно-семантический анализ словарных единиц, в семантической структуре лексемы *счастье* выделяются такие семантические компоненты, как «радость», «удача», «судьба», которые составляют смысловое ядро концепта *счастье*. Они выполняют функцию концептуальных признаков, участвующих в процессе концептуализации данного явления. Эти признаки и легли в основу ценностной составляющей, которая определила историко-культурное содержание ключевого слова *счастье* как концептуальную универсалию.

КОНЦЕПТ СЧАСТЬЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Выделение *счастья* как концептуальной универсалии является важным, поскольку именно ключевые культурные концепты приводят к формированию системы культурных ценностей: «...Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основывается человеческий язык, мышление и культура» [2, с. 322].

Поиск новых путей исследования концептуальных полей, необходимость выявления национально-культурного компонента в семантике имён концептов определяют экспериментальные методики проведения ассоциативных экспериментов.

Ассоциативный эксперимент, несомненно, является ценным и при понимании индивидуальных особенностей различных культур, поскольку с помощью данного метода можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека. Ассоциативный метод можно рассматривать как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [18, с. 67].

Таким образом, проведение данного сопоставительного эксперимента даёт нам возможность проникнуть в мир образов русского и китайского национального сознания, выявить сходства и различия в представлении ими универсального культурного концепта *счастье*.

С целью определения национально-культурного компонента семантики слова *счастье*, а также для представления его концептуальной природы обратимся к описанию проведённого свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте участвовали русские (50) и китайские (48) студенты крымских вузов. Эксперимент проводился по трём исследовательским парадигмам: образовательной (одна социальная группа – студенты), возрастной (18-24), национальной. При этом использовался метод письменного анкетирования на родном языке испытуемых. В результате эксперимента было получено 227 реакций в китайской аудитории и 249 реакций в русской аудитории.

Рассмотрим результаты эксперимента.

1. При анализе ответов информантов обеих групп были обозначены общие реакции, связанные с построением синтагматической и парадигматической моделей лексемы *счастье*. Так, наиболее частотными синтагматическими характеристиками лексемы в анкетах русских студентов были радостный 11, светлый 6, большой 5, весёлый 5; в китайских – вечный 17, прекрасный 12, сладкий 12. Заметим, что китайское *счастье* наполнено высоким эмоциональным содержанием (*yong yuan de* вечный, *mei man de* полный, *qi pan yi jin de* долгожданный) и этот эмотивный сценарий связан с мечтой, ожиданием: *qi pan yi jin de* долгожданное 6, *chi dao de* опоздавшее 2, *shi qu de* потерявшееся 2.

2. Описание парадигматических рядов слов-реакций того же грамматического класса, что и слово-стимул, позволило сделать вывод о глубинной семантической структуре этого слова. Так, доминирующими признаками при поиске синонимов русской лексемы *счастье* выявились любовь 23, радость 19, удача 14, успех 9; в ассоциативном синонимическом ряду китайской лексемы – *kuai le* веселье 22, *gao xing* радость 19, *jian kang* здоровье 8, *ai* любовь 7. Сопоставление реакций приводит к выводу, что в основе понимания категории *счастье* в китайском сознании лежит не чувство (ср. русск. *любовь*), а состояние – кит. *веселье*. Стоит отметить, что веселье, радость понимается китайцами как «проявление счастья» [9, с. 513]. Таким образом, совершенно очевидно, что само понятие *счастье* является для китайцев «некой общей неопределённой и неуловимой концепцией или идеей» [17, с. 149]. Итак, в большинстве случаев (81% китайских и 88% русских реципиентов) счастье ассоциируется с чувством и состоянием души, что определяет основное, вершинное, значение полисемантической структуры. Ассоциативные связи между словами, как отмечают лингвисты, не являются случайными: они обусловлены культурой и деятельностью человека.

Интересно, что китайские студенты связывают *счастье* со стабильностью, безопасностью, материальным и душевным удовлетворением. Их определения отличаются

философским пониманием *счастья* и высоким уровнем метафоричности: *Счастье* – это тёплый шарф при холоде, холодный чай при жаре. *Счастье* – это и кислый вкус лимона, и сладкий вкус мёда, и горький вкус перца: когда пробуешь любой вкус, ты можешь найти счастье в нём. *Счастье* – это аромат, который идёт из глубины души.

3. На этапе интерпретации и статистической обработки ассоциативных реакций на словостимул *счастье* были установлены типичные модели концепта, что и позволило сконструировать ассоциативное поле *счастье*.

Ядром концепта в русском языковом сознании, как показывает анализ, являются такие реакции, как любовь 18, радость 12, здоровье 9, семья 9, взаимопонимание 7, свобода 7, деньги 6, дружба 6, удача 6, веселье 5, хорошее настроение 5, успех 4.

В китайском языке ассоциаты – *kuai le* веселье 13, *peng you* друг 8, *mei hao de* прекрасно 8, *jia ting* семья 8, *ai ven* любимый человек 7, *gao xing* радость 6, *fu mu* родители 6, *ke wang* жажда 5, *ai* любовь 5, *tian mi* сладость 5, *tan zi* удовлетворение 5, *mei shi* вкусная еда 4, *qian* деньги 4, *xing yun* удача 4 составляют ядерную зону анализируемого концепта в китайском языке.

При этом следует отметить как позитивные, так и негативные реакции в обеих группах информантов. Так, у русских информантов счастье ассоциируется с завистью, усталостью, досадой; у китайских информантов – со слезами и страданием.

При исследовании ассоциативного поля использовались данные «Славянского ассоциативного словаря» [12, с. 232] и «Русского ассоциативного словаря»: «Счастье – моё 7; большое, любовь 6; близко, в деньгах, в жизни, жизнь, личное, любить, людей, мимолётное, найти, несчастье, огромное, привалило, придёт, солнце, удача 2; безбрежное, безоблачное, близко, счастье далеко, быстротечное, вам, вместе, восторг, впереди, всем, где-то, двое, девушки, деньги, дома, есть, жду, зыбкое, как птица, красное, лишь для других, любовь ко всему, люблю, мало, миг, мимолётно, мне, море, навек, наше, невозможно, не всегда, недолговечно, недостижимо, недостижимое, ненастье, необыкновенное, нереально, не светит, огромное, прекрасно, Пушкин, радость, развитое, рай, редкое, свобода, семейное, ткала, уплыло, ушло, хорошо, человеческое, шальное, это когда тебя понимают, это прекрасно, good 1» [11, с. 640].

Полученные реакции позволяют делать вывод о наличии определённых ментальных моделей (С.В. Мартинек), характерных для сознания носителей разных культур.

Так, экспликацией признаков «семейной» модели *счастья* в русской и китайской культурах являются реакции семья, дети, любимый человек, дом, любовь близких, любовь в семье, мир в семье, родители, семейный покой. Общее количество реакций, эксплицирующих данную модель в русском национальном сознании, составляет 12,85%, а в китайском национальном сознании – 14,5%. Такое разнообразие реакций, репрезентирующих данную модель, может быть обусловлено историко-культурными особенностями русского и китайского народов. Для русского человека семья с давних времён считалась главной и неизменной ценностью: *Вся семья вместе, так и душа на месте* (пословица). *В семье и смерть красна* (пословица). *Не надобен и клад, коли в семье лад* (пословица). Китайская семья, несмотря на строгие нравы и обычаи, в истории народа всегда отличалась удивительной жизнестойкостью в борьбе с трудностями, а члены семьи – сильной привязанностью к родному дому; заботой и любовью старших, почтением и послушанием младших. Таким образом, семья – это ценностная составляющая китайской картины мира, и это помогает бережно хранить традиции китайской культуры.

4. Ассоциативное поле полученных реакций в обеих группах является насыщенным и разнообразным как по своей семантике, так и по грамматическим признакам (слова, словосочетания, предложения).

Следует отметить, что в обеих группах реакции-слова явно преобладают над реакциями-словосочетаниями и реакциями-предложениями (193 к 34 в китайской аудитории и 191 к 58 в

КОНЦЕПТ СЧАСТЬЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

русской аудитории). Наиболее распространённым видом реакций (85 % в китайской аудитории и 77% в русской аудитории) является словоформа.

При этом нужно отметить, что среди словоформ в китайской аудитории информантами наиболее часто употреблялись имена существительные (всего – 154 реакций, разных – 78 реакций) – 80,6%. Менее частотными являются наречия (всего – 14 реакций, разных – 7 реакций) – 7,3% и глаголы (4 реакции) – 2,1%, а прилагательные и эмоциональные междометия не использовались.

Наиболее активными в употреблении словоформами в русской аудитории также были имена существительные (всего – 160 реакций, разных – 87 реакций) – 83,8%. Менее частотными являются имена прилагательные (всего – 13 реакций, разных – 11 реакций) – 6,8%; эмоциональные междометия (всего – 8 реакций, разных – 6 реакций) – 4,2%; наречия (5 реакций) – 2,6%; глаголы (4 реакции) – 2,1%.

Выводы. Таким образом, комплексный анализ ассоциативных реакций позволяет представить динамичную организацию концептуального поля *счастье* и выявить его национально-культурные особенности.

Список литературы

1. Бессонова Л. Е., Зелинская А. Ю. Структурно-семантическое содержание ассоциативного поля концепта *образование* (из опыта проведения экспериментальных методик) // Учёные записки ТНУ. Т. 17 (56). № 1: Филологические науки. – Симферополь. 2004. – С. 142-150.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – 411 с.
3. Воркачёв С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: современная антология / Под ред. О. А. Леонтонович. – Волгоград: Перемена. 2003. – 288 с.
4. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис». 2004. – 236 с.
5. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков: М.: Изд. группа «РА – Каравелла». 2001. – 320 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ. 1996. – 245 с.
8. Мартинек С. В. Экспликация валентностей слова в ассоциативном эксперименте // Культура народов Причерноморья. – 2003. – №44. – С. 130-134.
9. Новый китайский лексический словарь. – Bei jing: "Shang wu". 2000. – 1321.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж. 2000. – 30 с.
11. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. – Т.1. – От стимула к реакции/ Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство АСТ». 2002.
12. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004. – 792с.
13. Словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова. – М.: Советская энциклопедия. 1973. – 846 с.
14. Словарь русского языка: В 4 т. – Т. 4. / А. П. Евгеньева. – М.: Издательство «Русский язык». 1984.
15. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia. 2000. – 128 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. – 824 с.
17. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – 240 с.
18. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж. 2001. С. 65-71.

Поступила в редакцию 10.02.2005 г.